

5 Января 1908 года по общему календарю, Петроград.

Число агитационных листовок поражало ум: они были расклеены чуть ли не на каждом клочке доступного пространства; и если по земле, на кою я ступаю, их нет, то только потому, что их бы смыло в сию теплую зиму портами водами. Озвучение о сборе Думы сошлось с неприятнейшими внутри-экономическими вестями, и левые усилились на фоне надорвавшегося бюджета Российской Империи - на том, что власть в эту, несомненно, самую худшую пору, упустила опору из под своих боярских сапог, падая в кювет. Мне глубоко претят и этот город, и процессы, в которые я был вовлечен по року случая. А ведь то, что грядет, бесспорно - первая русская революция. И что же мне, спрашивается, делать ? - Я пнул грязный снег под ногами, неприятно ступив в лужу и обмочив нижний покррой брюк. Цокнув языком и пытаясь не обращать внимания на неприятно обхватывающую голень влагу, я остановился пропускать стоящую впереди тележку, вставшую из-за дрянной дороги. - Если призовут наш brave отряд на подавление митингующих, собранных призывами о справедливости ? собранных пока с требованием реформ об улучшение рабочих условий на стоящих рядышком с городом предприятиях - отказать мне али стрелять в смутьянов ? Я отсылал письма к управляющему городской полицией с требованием сохранять спокойствие и предпринять все усилия на сохранение правопорядка ненасильственным путем - благо с моим откровением ко мне так или эдак прислушивался Былгатырев через него я, словом, это делал, и он поддерживал меня, и более того, предложил отправить прошение самому министру, ратуя за столь инициативного и гениального отрока, сложившим здоровье свое во имя родины. Однако его позитивизм я мог понять лишь при том случае, ежели бы позабыл, каково оно, будущее. Разве может быть так, чтобы за тем, словно карточный домик, не повалился бы весь государственный авторитет ? Глупо все это ! - конечно же может быть, но сохранит ли власть над подданными, в том числе и над военными, коль никаких усилий к тому не прикладывается, державе всероссийский ? коль эти самые военные, облаченные по последнему слову военной техники, готовы через десяток лет обернуться против господ ? коль ныне над умами властна оппозиция ? Ограниченная, зажата в угол царская семья, пожалуй, то и может теперь, что слушать Распутова, а народ ? а государственность ? а благополучие ? а власть ? Укоренившаяся идея во слабость монархи могла бы теперь быть изгнана из голов обывателей свержением действующего царедворца и заменой другим ? а если самого царя ? Преемственность ? - Я сжал один из листков, на котором красовалась краснеющая надпись, призывающая рабочих сносить с горба своего буржуев-выродков, - пока еще косвенно, но, глядишь, осмелеют написать об этом прямо годков через десять. В этом мире прогресс шел с куда большею скоростью, в отличии от исторических событий и социальных процессов. Быть может, это магия всему виновница ? Правда, Россия в данном случае исключение, и социальные процессы здесь благодаря скудным успехам в научной сфере, в магической, быть точнее - в общем, в ногу со временем, товарищи. Однако она заморозила историю в нынешнем облики на западе. Я выбросил скомканный лист и отправился дальше. - Преемственность обуздает национальную сознательность, удержит ту в пределах золотой середины и позволит избежать продолжительного транзита власти. Пришедший на место прежнего монарха, новому не предстанет такая проблема, как удержание власти, ибо таковые институты, пусть и не в лучшем своем состоянии, мы сохраним в реформированном положении.

Дом, в который я отправился этим утром с праведным гневом находился перед мною. Я дошел сюда без малого за пол часа, но теперь, стоя напротив, некоторая нерешимость овладела мною. Уверен ли я, что желаю все это высказать прямо в лицо ему ? Почему я вообще вообразил, что должен делать что-то для этой пропащей страны ? Хотя я ничего не заплачу, если проверну это, ведь так ? Моральные и этические принципы - сколь много в этих словах ! В прошлом я решил жить по ним, ибо иного ориентира на горизонте, сколь бы не подвергал его

рассмотрению, не обнаруживалось. Теперь, когда я умер и престал быть физически человеком, значат ли они для меня нечто по прежнему ? Когда живу в сим мире, пусть и столь похожем на собственный, но и как тогда, как и в моем прошлом, эти самые моральные ориентиры искажены кратким мигом, названным современностью ? Ведь я мало задумывался о том, чем была этика и мораль, которую я принялся с чистою душой примерять. Лишенные цены жизни протестующих. Убитые во время войны и вернувшиеся без веры солдаты, что направили свои силы на лучшее, но низвергли страну в хаос революций и контрреволюций. Государственный террор. Во всяком случае, если я знаю, какая буря грядет, и мне она не мила, когда меня поджигает невидимая воля самонареченного бога, я имею право на этот эгоистичный выбор ? - Стоная, переступив с ногу на ноги, я усмехнулся от того, как ничтожен ваш спаситель, люди; мои коленки трясутся, сам я в нерешимости разглядываю дверь, ведущую к будущему, к квартире Былгатырева. Да, с ним я даже не обменялся письмом за все эти дни... Неужели есть смысл продолжать этот путь ?

Из ступора меня вывел парень тринадцати лет. Расхаживая с пачкой газет от сегодняшнего дня, его потрепанный вид заинтересовал меня. Не то, чтобы я раньше не видел оборванцев, но лично он в контексте моих размышлений более всего раздражал мои внутренние устои. Не покорежившись от мысли, что я его использую для значения дальнейшего выбора, я не мог взирать на негою

- Мальчик ! - обратился он ко мне, заметив мой пристальный взгляд на нем. Я был одет в приличное платье, пошитое на заказ у столичного портъе, поэтому не удивлен его оживившимся видом; стало быть, возжелал моих денег. - Не хочет ли твой батенька приобрести сегодняшнего выпуска газеты ? - Он перепрыгнул узенькую дорогу, разделявшую нас, и подскочил ко мне на не менее узкую пешеходную зону, протягивая свежую газету, на которой изогнутыми буквами было написано "Дело", а ниже "Воскресенский еженедельник: о житие наших рабочих и положении крестьянства". Скупно передав ему пару копеек, я притронулся к дешевой бумаге и спрятал ту в подмышку. Ответ обнаружился самое собой и я направился к дому через дорогу с прошением о помощи у сердечного друга своего, Былгатырева Василия Георговича, кавалера Анны и соратника Дурина.

- А ты будто знал, что я у себя на квартире. С чем пришел, дорогой Сашенька ? - Крепко заваренный чай отрезвлял гудящую мыслями голову. Глотнув горячую настойку, я вкусил нежного пирога и кивнул ему в знак благодарности.

- Василий Георгович, я к вам, как вам уже ведомо по уведомлениям от ваших друзей, с чистосердечным признанием. - Проглотив последний кусочек, я со всей возможной серьезностью посмотрел ему в глаза.

- Эко оно как у вас зовется, Александр - Он почесал ус, отпил чаю и с свойственной столь статному мужчине решимостью стукнул дном железного подноса о дубовый стол, - Это значит, вы решились раскрыть тайну о своем недюжем познании, голубчик ? - Краюшки его рта приподнялись, губы задрожали, но глаза по-прежнему оставались серьезными.

- Василий Георгович, вы имеете представление, по коему делу - я особо подчеркнул последнее, слегка улыбнувшись - к вам прибыл этим утром я, и оно заключено в истории, произошедшей одним днем в местах неблагополучных. Я бы хотел для нормы приличия поговорить об этом с вами, да приступить к интересующему сегодня всех нас вопросы - вы понимаете, о чем я ?

Если бы мне случилось застать подполковника куда ранее, еще в Москве, мне бы не пришлось

делиться со всем Ребровым. Однако, поскольку я был более чем уверен в его связях с Господином Былгатыревым, мне не составило никаких забот раскрыть все карты и перед сим молодым магом. Тем более, так даже стало проще: я подготовил почву для наших куда более серьезных бесед, тем паче когда в тех возникла надобность. Сейчас, обрисовывая полную картину произошедшего пред ветераном, я уже знал, о чем стоило упомянуть, а что следовало бы забыть, как страшный сон. Оставшись довольным моим нетривиальным рассказом, он предложил продолжить о сути того безотлагательного вопроса, с которым я вломился к нему на казенную квартиру.

- Все банально, Василий Георгович, и более того, вы не могли не заметить развешанные всюду листовки, как и позабыть наш давешний разговор, относительно оных. - Я промочил горло оставшимся чаем - Все дело в наших последующих действиях. Я знаю, что для сохранения порядка нас, магов академии, скорее всего призовут патрулировать воздушное пространство у зимнего, а это - вы должны понимать - может привести к неожиданным последствиям, вроде открытия огня по протестующим. Что о нас подумают, Василий Георгович ? Ведь нельзя...

Былгатырев поднял руку, указывая, чтобы я подождал - Дружевич, это неоправданное беспокойство. Мы уже уведомили соответствующих лиц, незачем волноваться об этом. Между тем, если вас все же призовут, к чему тебе волноваться ? Неужто ты не сумеешь своим авторитетом сохранить порядок ? - Авторитетом ? - думал я, испытывая нервную судорогу. Дергающийся глаз был не замечен, а посему подполковник продолжил. - Да и кто придет на эту стачку, митинг - или как там ? Поят на площади, покричат, да разойдутся. Или же ты меня нарочно дуришь, чтобы к матушке вернуться ? - Он усмехнулся и пододвинул мне очередной бокал, полный чая.

- Не в этом же дело совсем ! Государство служит опорой, системой, машиной, а если механики не предусмотрят работу его на все случаи жизни, то немудрено, что его случится залатывать да чинить. Я хочу вас предупредить, что меньшевики набрали недюжую популярность ! - я раскрыл приготовленную и ожидающую своего часа на столе газету и продемонстрировал Былгатыреву - Они и газеты свои печатают ! Вы понимаете, следует мыслить в масштабах отдельного крестьянина. Вы же знаете, что нынче мода на демократии, начатая в прошлом веке; поглядите, как доселе происходила эта эволюция, и что было с теми, кто не соответствовал с трендами. Василий Георгович, не сдюжу я донести спасительную идею, а ведь стоит ее отвержение будет жизнью, репутации и, не исключено, нашей государственности.

- Ну-с - он протянул руку, чтобы взять листы и принялся их читать, - Я вам скажу вот что, Сашенька, вам следовало бы меньше волноваться - он отложил газету, скомкав ее и принялся за пирог. Я поник. Уже более не хотелось что-либо доказывать. Это же иной мир и, стало быть, его ждет иное развитие событий, так ведь ? Руки мои скрестились на груди и я задумался о мимолетном и далеком, когда Былгатырев счел нужным продолжить разговор - А вообще, думаю, дельные мысли ты говоришь. Так уж и быть, договорюсь я и подсоблю тебе с сим. Можешь не волноваться, не тронем мы твоих социалистов !